

В начале 1973 года, после окончания Томского политехнического института, я был распределен на работу на Волгоградский судостроительный завод; специально взял билет на Волгоград проездом через Москву с потаенной мыслью показать свои стихи Василию Федорову, прекрасному поэту, стихи которого я любил и с которым как бы немножко был знаком — Федоров несколько раз приезжал в Томск на дни поэзии.

В Москве из телефонного автомата я набрал его домашний номер. Из трубки женский голос ответил, что, Василия Дмитриевича дома нет и спросил, что, собственно, нужно?

«Я хотел показать ему свои стихи». — «Ох, у нас все подокон-

ники, полки и шкафы завалены стихами начинающих, Федорову придется бросить писать свои стихи, чтобы перечитать эту гору». Я хотел было извиниться и положить трубку, как голос спросил: «Вы москвич?» — «Нет, я из Сибири, Томска». — «Это меняет дело, смягчился голос, — приезжайте к нам, меня зовут Лариса Федоровна, я жена Василий Дмитриевича».

Через полчаса я читал стихи Ларисе Федоровне, она просмотрела мою рукопись, отобрала стихотворений 20, похвалила некоторые из них, спросила о моих планах... «Я хочу поступать заочно в Литинститут». «Думаю, Ваши стихи понравятся Федорову и он порекомендует их приёмной комиссии литинститута».

Эта фраза определила всю мою дальнейшую жизнь. Я стал студентом-заочником Литинститута. Я был счастлив. Мечта моя сбылась.

Приезжая на сессию в Москву, я нередко слышал от сокурсников бахвальства знакомством с тем или иным известным писателем, я ни разу словом не обмолвился об участии в моей поэтической судьбе Василия Федорова. Но беда моя в том, что я даже не позволил и не поблагодарил Федорова. И, видя его в окружении стайки начинающих поэтов на 7-м совещании молодых писателей, все же не решился подойти к нему. Моя благодарность Федорову была настолько велика, что я боялся выразить ее словами.

... Когда Василия Дмитриевича не стало, я позвонил Ларисе Федоровне, сказал слова соболезнования... «А мы часто Вас вспоминали, вы хорошо вошли в литературу, о вас пишут критики, получили 1-ю Премию, Федоров радовался вашим успехам». Я положил трубку, упал лицом на подушку и заплакал.

... Давно это было. Но вспоминается печально и светло. И тягостно возвращаться в нынешнее время, когда книжные магазины, лотки предпринимателей завалены расхожим чтивом, и на слуху у всех, вбиваемое радиом и телевидением, имя среднего поэта Бродского, когда вряд ли вы сможете приобрести томик стихотворений Василия Федорова. Его просто, но сознательно не издают. Не раскупится. Да и не знает молодое поколение этого Поэта. Революций в стихотворчестве он не совершал, государственные устои не сотрясал, и даже, если бы Родина в чем-то его укорила, он не побежал бы за «бугор» искать защиты, а тихо и смиренно, как и подобает сыну, сочинял бы стихи, следуя традициям российской словесности. Но Родина помнит его, просто ныне она обомлела от обрушившейся словесной вакханалии, но скоро, совсем скоро она заговорит стихами Василия Дмитриевича Федорова.

Михаил ЗАЙЦЕВ

СЕРДЦА

Все испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займет наш враг.
Займет, сводя все те же счеты,
Займет, засядет,
Нас разя.
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.
1955

По главной сути
Жизнь проста:
Её уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грусть
Прильнёт ко груди.

Весь смысл её
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То все ошибки,
Все накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Её уста...
Его уста...

Знакомо,
Как старинный сказ,
Уходят женщины
От нас.

Они уходят
И уносят
Холодный блеск
Холодных глаз.

Была нежна
И влюблена,
Бала так долго
Мной пьяна,
Так неужель
В ней не осталось
Ни капли
Моего вина?

Зачем любить,
Зачем гореть,
Зачем в глаза
Другой
Глядеть?
Увы!
Уму непостояжимы
Две тайны:
Женщина
И смерть!

СОВЕСТЬ

Упадет голова —
Не на плаху,
На стол упадет,
И уже зашумят,
Загадят,
Завздыхают.
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдет...
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней...
Голубая дорога. —
И по той, голубой,
Как бывало, спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая березки.
Моя мама...
О, мама! —
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посылал ей из Томска.

Через тысячи верст,
Через реки, откосы и рвы
Моя мама идет,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под веселый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идет
Приласкать,
Поругать,
Ободрить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.

Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?!
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчетливей будь я
Да будь терпеливей.
Горько мне оттого,
Что еще никого
На земле я
Не сделал счастливей.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех, что несли мне
Свою красоту,
И не ту что стала женою.

Никого!
А ведь сердце веселое
Миру я нес.
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слез,
Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!
Что стихи?!
Нынче многие пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно.
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться обратно...

Упадет голова —
Не на плаху,
На тихую грусть.
И пока отшумят,
Отгадят,
Отвздыхают —
Нагрушусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю!

1964

Василий Яковлев